

А.В. Сергеев (Москва, Россия)

Жанр автобиографии в творчестве Ханса Кристиана Андерсена

Аннотация: В статье рассматривается эволюция жанра автобиографии в творчестве Х.К. Андерсена от его «Жизнеописания», в котором главное внимание уделяется внутреннему миру автора, до «Сказки моей жизни», где акцент переносится с изображения внутреннего мира на рассказ о людях, с которыми он встречался, на события, которые он наблюдал, и на отношение к нему и к его произведениям на родине и за границей.

Ключевые слова: эволюция, жанр, автобиография

A. V. Sergeev (Moscow, Russia)

Evolution of the Autobiography Genre in Hans Christian Andersen Works

Abstract: The article examines the evolution of the autobiography genre in Hans Christian Andersen works beginning with his “Life Story”, which focuses on the author’s inner world, and finishing with “My Life as a Fairy Tale” in which the emphasis is transferred from the image of the inner world to a story about people, whom he met, as well as to the events he observed, and to how he and his works were treated in his homeland and abroad.

Key words: evolution, genre, autobiography

В творческом наследии великого датского сказочника Х.К. Андерсена автобиографические сочинения¹ занимают особое место. «Жизнь моя – это настоящая сказка, богатая событиями, удивительно прекрасная! (...) История моей жизни скажет целому миру то же, что говорит и мне: Всемилостивый Господь Бог наш все направляет к лучшему» [Андерсен 2005, 3: 5]. Так писатель на первой же странице книги воспоминаний «Сказка моей жизни» формулирует одну из своих излюбленных идей, одновременно как бы устанавливая линию связи между сказками, раскрывающими социальное и духовное содержание жизни, каким он его

¹ Всего перу Х.К. Андерсена принадлежат три автобиографии. Из них первая – «Жизнеописание» («H.C. Andersens Levnedsbog») – написана в 1832 г., издана в 1926 г., вторая – «Сказка моей жизни без вымысла» – написана в 1846 г., издана в Германии в 1847 г. под названием «Das Märchen meines Lebens ohne Dichtung», третья – «Сказка моей жизни» («Mit Livs Eventyr») – написана в период с 1852 по 1854 г., издана в Дании в 1855 г. и «Дополнение» («Supplement»), написано в конце 1860-х гг. и впервые издано в 1871 г. в Нью-Йорке; в Дании – в 1877 г.

себе представлял, и автобиографиями, которые считал необходимым и исчерпывающим комментарием ко всему, что он выразил в своем творчестве.

Представление о добром и заботливом Боге, проходящее красной нитью через все его художественное творчество, появляется у Андерсена еще задолго до того, как он получил европейское признание. Свидетельство тому его первая автобиография, к работе над которой Андерсен приступил в 1832 г., когда ему исполнилось 28 лет. Образцом для него послужили «Воспоминания» («Erindringer», 1850–1851) А. Эленшлегера, первая часть которых «Жизнь» («Levnet») увидела свет в 1831 г. Когда Андерсен прочитал ее, то, по его словам, она произвела на него огромное впечатление. В 1833 г. благодаря поддержке А. Эленшлегера, Б.С. Ингеманна, Х.К. Эрстеда и ряда других деятелей датской науки и культуры Андерсен получил стипендию для двухгодичной поездки в Италию. Несмотря на всю свою любовь к заграничным поездкам (всего Андерсен совершил их 29 – куда больше, чем любой другой датский писатель), предстоящее путешествие вызывало у него чувство острой тревоги: Андерсена преследовала мысль, будто ему суждено умереть вдали от родины. Поэтому он посчитал очень важным оставить после себя эти начатые автобиографические записи, из которых читатели смогли бы узнать многое о его детстве и юности. К тому же он описал в них историю создания своих первых сочинений, которые снискали ему славу одного из самых многообещающих литературных талантов страны.

Перед поездкой Андерсен оставил рукопись на хранение Э. Коллину, сыну высокопоставленного чиновника и на тот момент члена дирекции Королевского театра Й. Коллина, принимавшего в его судьбе живое участие. Андерсен попросил Э. Коллина опубликовать рукопись в случае его смерти. Почему после возвращения он так и не завершил работу над ней, неизвестно. Вероятно, замысел нового сочинения, романа «Импровизатор» («Improvisator», 1833), настолько овладел им, что все остальное показалось ему уже не столь существенным. Как бы то ни было, но после возвращения в Копенгаген Андерсен забрал у Э. Коллина рукопись и спрятал ее в ящик письменного стола, предварительно познакомив с ее отдельными фрагментами французского писателя и критика Х. Мармье, создавшего на их основе первое эссе об Андерсене «Жизнь поэта» («Une vie de poète», 1837). Впоследствии Андерсен подарил рукопись своему другу В.Х. Абрахамсену, после смерти которого вместе с другими рукописями из его коллекции она попала в архив Королевской библиотеки, где ее в 1924 г. случайно обнаружил литературовед Х. Брикс. В 1926 г. он издал рукопись под названием «Жизнеописание Х.К. Андерсена» («H.C. Andersens Levnedsbog»).

Не предназначенное для печати «Жизнеописание» до сих пор остается среди других его автобиографических сочинений самым достоверным и полным источником сведений о детстве и юности Андерсена. Главное место занимает в ней внутренний мир автора, который рассказывает о себе отстраненно и с чувством юмора, чистосердечно признаваясь в своих заблуждениях, ошибках, слабостях.

Именно в «Жизнеописании» Андерсен впервые формулирует идею Божественного Провидения неуклонно направлявшего его, по его убеждению, к высшей цели – осуществлению художнического призвания. «С каждым днем мир предстает передо мной во все больше поэтическом свете. Поэзия входит в мое существо, и мне кажется, будто сама жизнь есть лишь одно великое удивительное поэтическое произведение. Я чувствую, как невидимая добрая рука управляет всем, что не слепой случай, а биение сердца невидимого Бога-отца ведет меня вперед!» [Андерсен 2005, 4: 5].

Уже в раннем возрасте Андерсен проникся чувством своей исключительности, и ему важно показать, какие факторы были движущей силой его творческого развития. Само появление его на свет «на кровати, сооруженной из деревянного помоста, на котором год назад стоял гроб с телом графа, богатого, но теперь, увы, мертвого», несмотря на шуточный тон повествования, представляется исполненным глубочайшего смысла. В мир пришел «нищий, но живой, нарожденный поэт, а именно я сам».

Источник поэзии заключен в нем самом, в его внутреннем мире. «Я был поэтом, сам того не подозревая». Крайне важны для формирования творческой личности поэта его детские впечатления. Для Андерсена они основа всего, что проявится позднее в его творчестве. Особый упор он делает на обстоятельствах, способствовавших его «увлечению поэзией». Среди них беседы и игры с отцом, совместное чтение книг, занятия кукольным театром, прогулки с родителями в лес, посещение городского театра. К числу самых сильных впечатлений детства он относит также посещение каторжной тюрьмы и городской больницы. Ему кажется, будто сама атмосфера его родного старого Оденсе с народными праздниками, суевериями, обычаями ремесленников придавала его детству «удивительно поэтической колорит», «будила воображение» и наполняла «каким-то романтическим чувством, незнакомым жителю Копенгагена». Восторг перед красотой окружающего мира, увлеченность театром и первые литературные опыты помогают ему сформировать свой собственный автономный внутренний мир. В окружении ровесников, которым он кажется странным, даже помешанным, Андерсен воображает себя «сказочным героем, сражающимся за свое счастье». Эта мечтательность, эта погруженность в глубины своего душевного мира помогла ему одолеть все беды и несчастья, выпавшие на его долю в Копенгагене. Он был настолько поглощен самим собой, что его не пугали ни одиночество, ни нищета, верные спутники его юных лет. «Мое настроение между тем было превосходным, я относился ко всему с такой легкостью и видел только положительное в окружающем мире... Воображение заменяло мне все, я жил в мире грез...» [Андерсен 2005, 4: 60].

Свой юношеский портрет Андерсен рисует с большим психологическим мастерством. Он отлично сознает свои недостатки, прежде всего наивность и восторженность, производившие комическое впечатление на окружающих. «...Моя удивительная наивность и невероятный интерес ко всему, что было связано с театром, вызывали на редкость комический эффект, чего я в силу своей восторженности просто не замечал, считая, на самом деле, что, как однажды выразился Эленшлегер, любая улыбка есть знак одобрения. Надо мной часто потешались, но я этого не замечал, имея о своих способностях весьма высокое мнение» [Андерсен 2005, 4: 149].

Необыкновенно пронизателен он и в отношении других. Удивительно комично, при всей своей чудовищности, выглядит в «Жизнеописании» С. Мейслинг – директор латинской школы, куда благодаря протекции Й. Коллина определили Андерсена. Грубость и капризность, вспыльчивость и причуды, упрямство и ученое высокомерие Мейслинга беспредельны и гротескны. В школе Мейслинг «со всеми обращался очень «hohnisch» (язвительно, злорадно – нем.). Дома он постоянно брюзжал, был крайне скуп и нечистоплотен. «Мейслинг никогда не мыл рук, и если у него были чистые пальцы, то лишь благодаря тому, что он каждый вечер выжимал лимон в стакан для пунша» [Андерсен 2005, 4: 110]. Грубость и мелочность Мейслинга особенно ярко проявляются в момент прощания с Андерсеном, когда в ответ на слова благодарности директору «за то хорошее, что он для

него сделал», слышит: «Убирайтесь к черту!» К фру Мейслинг автор относится не без юмора, но с симпатией. Безуспешно сражаясь с грязью и беспорядком в доме, она постоянно препирается со служанками, обвиняя их в нерадивости и расточительности, и первая передает подругам сплетни о своих развлечениях с гарнизонными офицерами в расчете на то, что «в сказанное ею самой они наверняка не поверят». «Репутация – самое главное для человека!» – поучает она своего юного постояльца, которого сама же пытается соблазнить. В ней причудливым образом сочетаются доброта и расчетливость: когда приходит время прощаться, фру Мейслинг, будучи искренне огорчена, предлагает своему юному постояльцу вместе прогуляться по городу, чтобы «ни у кого не возникло сомнений, что они расстаются друзьями».

В этих «действительно неблагоприятных», как пишет Андерсен, условиях, ему тем не менее удалось сохранить веру в себя, в свои творческие силы, о чем свидетельствовали его первые стихотворения, которые он писал тайком от своих наставников. Но, наверное, не менее важно и то, что годы учебы обогатили его неоценимым жизненным опытом, так необходимым писателю. Они научили его «подмечать нелепости жизни» и «создавать комическое, сочетая высокое с низким, не видя в этом ничего, кроме невинной шутки» [Андерсен 2005, 4: 162].

Возвращение в Копенгаген вызвало у Андерсена чувство ликования и радости. «Телом и душой стал я теперь словно вольная птица в небе, все горести, все пустые мечтания были забыты, и от этого моя истинная сущность, до сих пор тщательно скрываемая, прорвалась наружу чересчур бурно. Ведь жизнь была так прекрасна. Мое доверие к людям еще не пошатнулось, я не питал злобы даже к Мейслингу, а думал лишь о своей свободе, о своем счастье» [Андерсен 2005, 4: 145].

Как о лишенных всякого смысла рассуждает он теперь о церковных догматах, о небесном проклятии и муках ада. «Мне показалось чем-то несерьезным, чем-то унижающим Господа Бога представлять его, вопреки слову Христа, строгим властелином, карающим человека вечным огнем без надежды на спасение за то, что он не смог побороть в себе присущее ему от природы» [Андерсен 2005, 4: 147]. «В душе моей бурлило пьянящее ощущение свободы!» – восклицает Андерсен, чувствуя, словно его поэтический талант обретает новые мощные крылья. Успех «Прогулки от Хольмен-канала до восточного мыса острова Амагер» (январь 1829 г.) вселяет в него поэтическую смелость и уверенность в себе. «Я стал видеть теперь все в положительном свете, и у меня появилась потребность пародировать все свои былые горести и бесплодные мечтания». Комедией «Любовь на башне святого Николая, или Что скажет партер» (ноябрь 1829) он, по сути, подводит черту под своим несчастливым прошлым и открывает дорогу в будущее. «Я испытывал блаженство! Я действительно был растроган тем, что моя пьеса будет поставлена на театре, перед которым несколько лет назад я стоял нищим и никому не нужным» [Андерсен 2005, 4: 162].

Заключительную часть автобиографии Андерсен посвящает рассказу о своей первой любви. Летом 1830 г. во время путешествия по Фюну он познакомился с сестрой своего университетского товарища Риборг Войт, двадцатилетней девушкой «с кротким выражением лица и живыми карими глазами». Она много читала и была в восторге от его «Прогулки...». Эта встреча безмерно обрадовала и одновременно озадачила Андерсена. «Никогда прежде я не чувствовал себя таким душевно бодрым духом, я видел, с какой радостью, с каким сестринским чувством она мне улыбалась». В обществе Войт он становился «совершенно иным челове-

ком» и стремился видеться с ней как можно чаще. Однако, оставаясь наедине с самим собой и размышляя о случившемся, он «начинал испытывать какой-то непонятный страх». «Я чувствовал здесь себя так хорошо, и одновременно мне так хотелось уехать отсюда, что и надо было сделать и чего я, в сущности, желал. Вот я и назначил свой отъезд на следующий вечер» [Андерсен 2005, 4: 185].

Вернувшись в Оденсе, он понял, что по-настоящему влюблен. Спокойно, почти бесстрастно Андерсен пытается рассказать о том, как складывались его взаимоотношения с Войт, и все же временами не может скрыть своего замешательства. Первое время, пока страсть еще не овладела им, он только постоянно вспоминал, какими приятными казались ему редкие встречи и беседы с нею. Но потом, уже в Копенгагене, узнав, что семья Войт приезжает в столицу, «почувствовал, что готов на все, лишь бы она принадлежала ему». От своих друзей в городке Фоборге Андерсен знал о помолвке Войт с сыном аптекаря и о том, что ее отец, богатый судовладелец, был против предстоящего брака, подозревая, что молодой человек женится на его дочери ради денег. Сам Андерсен почти не сомневался, что Войт влюблена в него и готова расторгнуть помолвку. И тем не менее он так и не решился просить ее руки. Можно только догадываться о том, что же удержало Андерсена от брака с любимой женщиной. Не исключено, что свою роль сыграла его природная робость. Но скорее всего – и к этому склоняются многие биографы Андерсена, – подобно Киркегору, он так и не рискнул ради семейного счастья поставить на карту свое призвание художника.

В начале марта 1852 г. Андерсен решил написать еще одну датскую автобиографию для собрания сочинений, которое предполагал издать в 1854–1855 гг. В 1853 г. Андерсен заключает договор с издательством Т. Рейцеля на издание 4000 экземпляров сказок и 2000 – «Собрания сочинений», в которое, как он сообщает Э. Коллину, собирается включить новую автобиографию. В письме издателю К. Лорку от 3 октября 1854 г. Андерсен объясняет причины, побудившие его взяться за перо: «После возвращения домой я прилежно работал над датским изданием “Сказки моей жизни”. Немецкое издание является, собственно, его основой, оно использовано полностью. Но вы сами помните, что оно писалось за границей, в Италии и у Пиренеев, и мне не на что было опереться, кроме моей памяти. Сейчас же, напротив, у меня под руками письма и заметки, я не ограничен временем для работы и надеюсь создать “новую и лучшую жизнь”, и то, что в немецком издании – набросок, здесь предстанет законченным целым. Книга будет вдвое больше вышедшей у Вас. Она будет так же состоять из двух частей и увидит свет, если на то будет воля Господа, в июне 1854 г. Мне кажется, что материал, добавленный мной в книгу, заинтересует также читателей в Германии и Англии» [Topsoe-Jensen 1996: 9]. В июне 1855 г. книга была опубликована под названием «Сказка моей жизни» в 21 и 22 томах «Собрания сочинений» Х.К. Андерсена.

Однако она не стала итоговым автобиографическим произведением писателя. В 1868 г. к Андерсену обратился его американский издатель, намеревавшийся выпустить «Собрание сочинений» писателя в США, с предложением дополнить уже существующую «Сказку моей жизни» рассказом о событиях последних тринадцати лет. Андерсен с готовностью принял это предложение, и в 1871 г. в Нью-Йоркском издательстве увидело свет «Дополнение» к «Сказке моей жизни», охватывающее период жизни писателя с 1855 по 1867 г. Работу над автобиографией писатель не прекращал до своих последних дней, собираясь довести повествование вплоть до 1875 г.

В Дании «Дополнение» к «Сказке моей жизни» появилось уже после смерти великого сказочника. Внук Й. Коллина, Й. Коллин-младший, подготовил к печати и опубликовал заключительную часть рукописи «Сказка моей жизни», которую Андерсен незадолго до смерти подарил его отцу. Писатель намеревался доработать ее, но на это у него уже не хватило сил. В 1977 г. «Дополнение» было издано отдельной книгой, а позднее в качестве заключительной части «Сказки моей жизни» вошло в состав «Собрания сочинений» Андерсена 1876–1880 гг.

«Сказка моей жизни» вместе с «Дополнением» увидела свет в канун 50-летия писателя, когда он уже находился на вершине славы. В ней он подробно рассказывает о своем творческой пути. В связи с этим существенно изменяется жанр произведения: в «Сказке моей жизни», в отличие от «Жизнеописания», доминирует мемуарное начало. Акцент переносится с изображения внутреннего мира писателя на рассказ о людях, с которыми он встречался, о событиях, которые он наблюдал, и на то, как относились к нему и к его произведениям на родине и за границей. «Я надеялся, что характеристики множества выдающихся личностей, с которыми мне приходилось сталкиваться, и описание впечатлений, вынесенных мною из жизни и окружающей меня обстановки, могут представлять для потомства некоторый исторический интерес, равно как простое безыскусственное повествование о вынесенных мною испытаниях может послужить источником утешения и ободрения для молодых, еще борющихся сил» [Андерсен 2005, 3: 513], – писал Андерсен, объясняя читателям, что побудило его взяться за перо.

Рассказу о детстве и юности, составлявшему основное содержание «Жизнеописания», уделено теперь немногим более шестидесяти страниц объемного сочинения, истории любви к Риборг Войт – всего несколько строк, при этом имя ее вообще не упоминается: в центре внимания – драматическая борьба за писательское признание и мировую славу. Оглядываясь на пройденный путь, Андерсен с еще большей горечью вспоминает о несправедливых обидах и унижениях юных лет. Самым трудным для него временем остаются годы учебы в школе у Мейслинга. Не менее сложно складываются у него в начале творческого пути отношения с читателями и критиками. «Всюду говорили только о моих недостатках. Случалось даже, что я встречал на улице вполне прилично одетых людей, которые, проходя мимо меня, скалили зубы и отпускали на мой счет низкопробные шуточники» [Андерсен 2005: 3, 96]. Предвзятые и несправедливые оценки его произведений вызывает у него чувство отчаяния. «Мне приходилось читать не критику на свои сочинения, а прямые выговоры себе; тянулось это долго, но в описываемое время дела мои были особенно плохи» [Андерсен 2005, 3: 97].

Конечно, Андерсен отдавал себе отчет в том, что источник его страданий – в нем самом, в его чересчур эмоциональной, неуравновешенной натуре: «У меня был талант склоняться к темным сторонам жизни, смаковать болезненное и горькое, желание мучить себя», в том, что он слишком остро реагировал на события, которые, быть может, и не заслуживали такого внимания: «То, о чем и не стоило бы упоминать, доставляло мне глубокие внутренние мучения, и оставалось во мне долгие дни». Но, как бы то ни было, здоровые силы души рано или поздно брали в нем верх над «печалью и мнительностью», а природное чувство юмора «помогало преодолеть угнетенное, подавленное состояние». Именно в такие минуты он «ясно сознавал свои собственные слабости и недостатки, и также глупость выходок ретивых менторов» [Андерсен 2005, 3: 235].

Сохранить веру в себя, в свои силы помогала Андерсену поддержка близких ему по духу людей. В «Сказке моей жизни» дано множество запоминающихся портретов выдающихся деятелей национальной и европейской культуры, сыгравших заметную роль в его творческой судьбе: Эленшлегера, Торвальдсена, Ингеманна, Х.К. Эрстеда, бр. Гримм, Диккенса, Гейне, Шамиссо и мн. др. Эленшлегер для Андерсена – это «истинный, природный, вечно юный поэт», который даже в старости «превосходил всех молодых мощью своего гения». В его духовном облике он отмечает «нечто открытое, по-детски привлекательное, – разумеется, это проявлялось, когда он бывал в кругу друзей, а не в большом обществе; там он был тих и держался особняком». Андерсен глубоко благодарен Эленшлегеру за его помощь и участие, особенно в начале своего творческого пути, когда прославленный писатель одним из первых оценил его поэтический талант. «Не обращайтесь внимания на этих крикунов! Вы – истинный поэт, это я Вам говорю!» [Андерсен 2005, 3: 241]. Эленшлегер был и остался для него высшим авторитетом в поэзии и гордостью национальной литературы.

Такое же сильное и искреннее чувство любви и благодарности Андерсен испытывает к Торвальдсену. Он отдает должное не только творческой гениальности, но и неповторимой и самобытной личности великого скульптора. «Сколько жизни и веселья кипело в этом бодром, крепком старике!» – пишет о нем Андерсен после возвращения Торвальдсена из Италии незадолго до его смерти в 1844 г. Его восхищает «мощная, здоровая натура» Торвальдсена, не желавшего знать байроновской «мировой скорби». Андерсен пересказывает историю о Байроне, которую он услышал от Торвальдсена, работавшего над статуей английского поэта в Риме. «Он согласился позировать мне, но как только уселся, сейчас же соорудил гримасу. “Будьте добры, посидите смирно!” – сказал я ему. – “Не надо гримасничать!” – “У меня всегда такое выражение!” – ответил он. “Вот как!” – сказал я и изобразил его по-своему. Все находили, что статуя похожа на оригинал, только сам он говорил: “Это не я! Я выгляжу гораздо несчастнее!” Ему, видите ли, непременно хотелось казаться несчастным!» [Андерсен 2005: 3, 245], – закончил Торвальдсен с иронической улыбкой. Андерсена привлекала прямота, обостренное чувство справедливости, готовность великого скульптора «горячо вступить за тех, кого, по его мнению, обвиняли напрасно». «Несправедливости, насмешек, особенно если в них проглядывало злое намерение, он не переносил и восставал против них, с кем бы ему ни приходилось иметь дело» [Андерсен 2005, 3: 245].

Долгие годы дружбы связывали Андерсена с Ингеманном, которого он считал «самым популярным в народе датским писателем». Яркой чертой творчества Ингеманна, по мнению Андерсена, было то, что все его произведения проникнуты «глубоким и серьезным нравственным чувством». Они высоко художественны и, читая их, «как бы прислушиваешься к шелесту могучего дерева поэзии... Ингеманн обладал вечно юным сердцем истинного поэта! Большое счастье познакомиться с таким человеком и еще большее – обрести в нем верного, испытанного друга» [Андерсен 2005, 3: 510].

Среди других деятелей датской культуры особую роль Андерсен отводит Х.К. Эрстеду, о котором пишет: «Почти единственный из близких мне лиц, он постоянно признавал во мне поэтические дарования, ободрял меня и предсказывал, что рано или поздно талант мой признают не только за границей, но и на родине» [Андерсен 2005, 3: 366]. Подлинное величие ученого сочеталось у Х.К. Эрстеда, по словам Андерсена, с непосредственностью и наивностью ребенка. «В нем

был неисчерпаемый источник знания, опыта, остроумия и в то же время какой-то милой наивности, детской невинности. Это поистине редкая натура, отмеченная печатью высшего гения. И ко всему этому надо еще прибавить его глубокую религиозность» [Андерсен 2005, 3: 366]. Талант Х.К. Эрстеда многогранный и глубокий. Он не только ученый, естествоиспытатель и философ, но и поэт, прекрасно разбирающийся в вопросах теории искусства. С годами, признается Андерсен, влияние на него Х.К. Эрстеда все более возрастало. «Я усвоил воззрения, которые рекомендует современным поэтам Х.К. Эрстед в своем творении “Дух в природе”», и, «целя слепую веру благочестивых людей», сам был готов смотреть на Бога через призму науки, «руководствуясь разумом, который Он сам же дал нам» [Андерсен 2005, 3: 370].

От Х.К. Эрстеда Андерсен почерпнул не только научные знания и просветительский взгляд на религию, но и некоторые эстетические представления, которые легли в основу его собственной эстетики, прежде всего идею добра, которая «должна господствовать в поэтическом творении, что бы там поэт ни изображал, хоть самый ад». Андерсен отмечал, что «Х.К. Эрстед всем сердцем любил все прекрасное и доброе, а пылливый ум его стремился отыскать в них и истину», – признавая при этом, что и его собственные произведения более всего ценили за «сердечность, естественность и правдивость». «Ведь как бы ни была прекрасна и достойна похвалы форма произведения, как бы ни поражали своей глубиной высказанные в нем идеи, главную роль играет все-таки пронизывающее его искреннее чувство. Из всех свойств человеческой природы оно менее всего подвергается влиянию времени и наиболее доступно пониманию каждого» [Андерсен 2005, 3: 369].

В «Сказке моей жизни» нашла свое отражение и страсть Андерсена к описанию своих путешествий. Словно восполняя пробел в книгах путевых очерков, он впервые подробно рассказывает здесь о путешествии во Францию и Италию в 1833–1834 гг., где он почерпнул материал для первого романа. Не менее интересно, хотя и не столь пространно, как в путевых очерках, даны описания и других путешествий Андерсена. По-прежнему ему удается запечатлеть то характерное, что его зоркий взгляд выхватывает из жизненной мозаики, однако теперь его внимание привлекают не только красочные подробности, но и социальные контрасты жизни, о чем он писал в своих английских впечатлениях 1847 г. «Я воочию убедился, что значат в Лондоне “высший свет” и “бедность” – о них я впоследствии вспоминал как о двух противоположных полюсах здешней жизни. Бедность представляла передо мной в образе бледной голодной девушки в заношенной и потертой одежде; я видел ее, ютившуюся в углу omnibusа. Это было само воплощенное несчастье, не промолвившее ни слова мольбы – ибо попрошайничество в Англии запрещено. Я помню также других нищих, мужчин и женщин, носивших на груди большие листы картона с надписями “Умираю от голода! Сжальтесь!”» [Андерсен 2005, 3: 398].

С авторским стремлением к документальности и точности изложения материала связано появление в «Сказке моей жизни» огромного количества документов: отрывков из писем, пространных цитат из газетных статей и рецензий, с авторами которых Андерсен часто вступает в язвительную полемику. По мере приближения к вершине славы он все больше внимания уделяет перечислению достигнутых успехов, приемам у коронованных особ, отдыху в богатых поместьях. Идея «жизни – сказки» становится лейтмотивом всей книги: «Сказка моей жизни развернулась теперь передо мною – богатая, прекрасная утешительная! Даже зло вело ко

благу, горе – к радости, и в целом она является полной глубоких мыслей поэмой, какой я никогда не был в силах создать сам. Да, правда, что я родился под счастливой звездой!» [Андерсен 2005, 3: 526].

«Сказка моей жизни» стала своего рода подведением жизненных итогов и творческим завещанием Андерсена. В ней он изложил свои взгляды на жизнь, литературу и искусство, предназначение художника. Как и «Жизнеописание», «Сказка моей жизни» обладает бесспорной эстетической, историко-литературной и историографической ценностью, служит достойным вкладом писателя в историю национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсен Х.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Жизнеописание / Редсовет: А. Чеканский, А. Сергеев, О. Рождественский; пер. с дат. А. Чеканского; примеч. А. Сергеева. М.: Вагриус, 2005. 333, [2] с., ил.

Андерсен Х.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3: Сказка моей жизни / Редсовет: А. Чеканский, А. Сергеев, О. Рождественский; пер. с дат. А. Афиногеновой [и др.]. М.: Вагриус, 2005. 701, [2] с., ил.

Topsøe-Jensen R. Indlidning // Andersen H.S. Mit Livs Eventyr. København, 1966. 511 с.

REFERENCES

Andersen H.S. Collected Works: In 4 vols. Vol. 4: Biography / Eds.: A. Chekansky, A. Sergeev, O. Rozhdestvensky; transl. by A. Chekansky; comment. by A. Sergeev. Moscow. Vagrius Publ. 2005. 333, [2] p., ill.

Andersen H.S. Collected Works: In 4 vols. Vol. 3: Tale of My Life / Eds.: A. Chekansky, A. Sergeev, O. Rozhdestvensky; transl. by A. Afinogenova. Moscow. Vagrius Publ. 2005. 701, [2] p., ill.

Topsøe-Jensen R. Indlidning. In: Andersen H.S. Mit Livs Eventyr. København. 1966. 511 p.

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Сергеев,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksander V. Sergeev,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

av-sergeev@mail.ru